

DOI: 10.19195/0137-1150.163.7

IRINA E. PROKHOROVA

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Rosja
ieprokhorova@mail.ru

„В уровень с годами”: к проблеме геронтологической рефлексии позднего Вяземского

Феномен старости не только в физиологических, но в философских, психологических, социально-исторических аспектах неизменно привлекает внимание думающих людей, и особенно в последнее время — в связи с проблемой „старения” человечества в глобальном масштабе. Литература вопроса довольно велика и многогранна: рефлексировать над проблемами „последнего возраста” человека стали более двух тысяч лет назад, а геронтология как особая наука, основанная Ильей Мечниковым, родилась уже в начале XX века. Но и сегодня в представлениях о заключительном периоде жизни человека очень много лакун, противоречий, дискуссионных моментов, среди которых и его хронологические рамки. Наиболее распространенной здесь стала точка зрения, вслед за Пифагором обоснованно относящая период „зимы” человеческой к возрасту 60–80 лет.

В основном сходятся пишущие на темы старости и в общефилософском ее определении как периода, который „происходит *на спаде* цикла индивидуального развития” человека, когда он сталкивается с задачей осмыслить свою жизнь как целое „перед лицом смерти”, решать, адаптируясь к ситуации старения, множество вопросов — от „микроуровня” физиологии до „мегауровня” отношений с Абсолютом¹. При осмыслении разных „сценариев” старости современные исследователи, опираясь, в частности, на идеи экзистенциализма, разделяют „старость настоящую, подлинную, достойную”, знающую лишь „высокий страх (Angst), который раньше назывался

¹ См. об этом подробнее, напр.: Н. Рыбаков, Н. Рыбакова, *Проблема старости в историко-философском контексте*, http://www.Polygnozis.ru/default.asp?num2=431#_FTNREF1 (здесь и далее в сносках на интернет ресурсы дата обращения — 15.07.2015).

страхом Божьим”, и „старость не подлинную, жалкую, неудавшуюся”, исполненную „низкого страха (Furcht)”². Для нашей темы интересно указание, что именно „настоящего” старика отличает „осознание и *принятие* «последнего возраста»”³. Если вторая часть формулы совершенно логична в контексте предыдущих дефиниций, то в процесс осознания феномена старости, который можно назвать геронтологической рефлексией, включаются и достигают вершин в его выражении отнюдь не только те, кого философы предлагают называть „настоящими” стариками.

Геронтологическая рефлексия находит выражение в разных родах литературы, но особое место здесь занимает лирика писателей, которым судьба дала личный опыт старения. В русской классике размышления о старости и смерти, связанных с ними эмоциональных переживаниях, страхах и надеждах воплотились в лирической части цикла *Последние песни* Николая Некрасова и в своеобразных *Стихотворениях в прозе (Senilia)* Ивана Тургенева. Гораздо менее известна и, соответственно, изучена „поэзия старости” Петра Вяземского (1792–1878).

В лирике Вяземского геронтологическая рефлексия появилась довольно рано — первым отразившим ее стихотворением, с нашей точки зрения, стало написанное в 1837 г. *Я пережил* — и развивалась на протяжении последних четырех десятилетий его жизни. Однако в рамках данной статьи тема „последнего возраста” (выражение, заметим, входило в словарь Вяземского⁴) анализируется в основном на материале его лирики 1860–1870-х гг., когда автор действительно вступил на завершающую ступень жизненного цикла.

Символично, что именно в начале 1860-х гг. (1861 или 1862?) Вяземский создал стихотворение под названием *Старость*. В нем автор отошел от уже сложившихся к этому времени в его „поэзии старости” форм лирических излияний ради стихотворного воплощения некой внеличностной сентенции. Отсюда афористичность начала („Беда не в старости. Беда// Не состариться с жизнью вместе”), относительно небольшой объем текста, четкость строфики (четыре четверостишия, написанных четырехстопным ямбом). В эпиграфе к стихотворению и в его финале содержалась прямая отсылка к Вольтеру, утверждавшему в *Стансах* 1741 г., что „несчастливы” старики только тогда, когда в них „чувства и умы не одногодки с сединами”⁵.

Как известно, диалог с „фернейским” мудрецом Вяземский вел на протяжении всей жизни, и во многом именно вольтерьянская скептическая „закваска” помогала русскому писателю не перейти „рассудка грань”, не

² К. Пигров, *Экзистенциальный смысл настоящей старости*, [в:] *Философия старости: геронтология*, вып. 24, Санкт-Петербург 2002, с. 4–5 [курсив в цитатах здесь и далее принадлежит авторам цитируемых текстов — И.П.].

³ С. Лишаев, *Старое и новое*, <http://magazines.russ.ru/neva/2009/7/li29.html>.

⁴ П. Вяземский, *Полное собрание сочинений в 12-ти томах*, т. 8, Санкт-Петербург 1883, с. 128.

⁵ П. Вяземский, *Стихотворения*, Ленинград 1986, с. 369.

поддаваться разного рода „фобиям”. Это выразилось и в критическом отношении к довольно распространенному в обществе непониманию и неприятию старости как *особого* возраста, требующего от человека адекватных ответов на его „вызовы”. Такой вид геронтофобии нередко свойствен и самим пожилым людям. Вослед Вольтеру автор *Старости* призывал их (да и себя!) разумно адаптироваться к „последнему возрасту”.

Понимание старости как периода развития человека „на спаде”, на склоне лет, когда для сохранения своей идентичности он должен менять свой образ жизни и в известной мере образ мыслей, подчиняясь высшим законам и не изменяя высшим ценностям, достаточно универсально. Высказываний на эту тему очень много. Так, в *Библии* сказано: „Смешон престарелый, состязающийся с молодым” в суете земной жизни (*Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова*, 42:8). О необходимости соответствия „сущих в старости” своему возрасту писал византийский богослов и философ православный святой Григорий Палама в одной из своих омилий⁶. Так что автор стихотворения *Старость*, как и процитированный им Вольтер, могли обращаться к разным источникам.

В то же время следует подчеркнуть, что самому Вяземскому выстраивать счастливую, „настоящую” старость удавалось весьма плохо, о чем свидетельствует его лирика и частная переписка. В годы, когда поэт готовился разменять, а потом и разменял восьмой десяток, тема безысходной хандры, появившаяся уже в упомянутом выше стихотворении 1837 г. *Я пережил*, явно господствовала в его поэзии. Это отразилось в стихотворениях 1861–1864 гг. с говорящими названиями и заглавными строками *Грусть*, *Былое*, *Бессонница*, *Совсем я выбился из мочи!*, *Всё в скорбь мне и во вред*. *Все в общем заговоре...*, *„Зачем вы, дни?”* — сказал поэт... *„Давно плыву житейским морем...* и др.

Наиболее емким по содержанию среди них представляется цикл *Хандра*, включавший два стихотворения. В первом из них *А есть же где-нибудь приятный уголок...* большое место занимает образ Агасфера, „на коем божья кара”⁷ — вечная жизнь скитальца до Страшного суда, с которым сопоставлен психологический опыт самого автора. Его безотрадность также предопределена тщетностью надежд на „пристань тихую”, избавление от томительных дней и бессонных ночей от „расслабленности” воли. Поэт уверен в бессмысленности призывов мужаться: „Но чем упавший дух воспрянуть приневолю?”. А „упавший дух” грозил нравственным падением, „ленивым сном души”, равнодушием к ближнему, к „книге чудной таинственной природы”, к самой „книге жизни”. В „полумертвом”, пережившем себя „страдать одна способность уцелела”.

⁶ Гр. Палама, *Беседа на спасительное Рождество Пренепорочныя Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии*, <http://orthodox.ru/lsm/palama/047.php>.

⁷ П. Вяземский, *Избранные стихотворения*, Москва-Ленинград 1935, с. 323.

Страдания породило и предположение — „не книги ли одной и жизнь и смерть два тома”, заявленное во втором стихотворении цикла. В нем, начинающемся строкой „Мне всё прискучилось, приелось, присмотрелось”, крайне пессимистическую разработку получила традиционная метафора „книга жизни”. У разочарованного первой частью этой книги „вторую часть прочесть охоты нет”⁸.

Как видим, мировоззренческая позиция Вяземского довольно сильно отличается здесь от обрисованной Анастасией Гачевой общей „траектории” духовных исканий поэтов-романтиков, хотя автора *Хандры* всегда связывали с ними близкие творческие и личные контакты. Исследовательница показала принципиальные для картины мира русского романтизма христианские „чаяния преодоления смерти”, идеи трансформировать оппозицию „жизнь–смерть” в триады „жизнь–смерть–бессмертие” и „жизнь–смерть–воскресение”⁹. Они остались по сути чужды поэтическим размышлениям позднего Вяземского о конечности земной жизни¹⁰. Показательно его признание „от смерти только смерти жду” в миниатюре 1871 г. *Жизнь так противна мне, я так страдал и стражду...*¹¹.

В начале 1870-х гг. трагизм в восприятии поэтом „последнего возраста” усилился. Судя по письму Вяземского от 17 октября 1871 г., состояние его здоровья (и психологического, и физического) тогда ухудшилось. Он жаловался давнему знакомому Михаилу Максимовичу:

Вот два года, что я хвораю... Старость сама по себе неизлечимая и пакостная болезнь, а тут ещё, в виде прибавления, расстройство нервов, хандра, бессонница и невежество врачей... Грустно и тяжело допивать п о д о н к и жизни, как я их допиваю...¹²

Однако депрессивные настроения не становились для Вяземского поводом для постановки темы добровольного насильственного ухода из жизни. Несмотря на поэтические lamentации по поводу „упавшего духа”, христианские представления о высоком подвиге терпения и табу относительно са-

⁸ *Ibidem*, с. 323–324.

⁹ А. Гачева, *Жизнь — смерть — бессмертие в мире русского романтизма*, [в:] *Жизнь и смерть в литературе романтизма: оппозиция или единство?*, ред. Н. Вишневская, Е. Сапрыкина, Москва 2010, с. 74–75, 96, 99.

¹⁰ Заметим, что и ранее, напр., в стихотворении *Утешение* (1845), которое ныне часто трактуется как образец духовной лирики Вяземского, поэт, говоря о готовности искать „отраду” в „Божьем доме”, даже там „внутренним слухом” внимал именно „смерти призывному гласу” (П. Вяземский, *Полное собрание сочинений*, т. 4, Санкт-Петербург 1880, с. 289–290). Мотивы же загробной жизни, бессмертия души, даже топос творческого бессмертия в *Утешении* обходятся молчанием. И едва ли это было связано с христианским опасением „дурного бессмертия”, которое, по наблюдению Гачевой в цитированной выше статье, отличало некоторые стихотворения Евгения Боратынского (А. Гачева, *Жизнь — смерть — бессмертие...*, с. 105).

¹¹ П. Вяземский, *Стихотворения...*, с. 402.

¹² *Письма М.П. Погодина, С.П. Шевырева и М.А. Максимовича к кн. П.А. Вяземскому 1825–1874 годов*, Санкт-Петербург 1901, с. 221.

моубийства в сознании поэта, видимо, держались крепко. „Расслабленная воля” тоже препятствовала возможности самому рассчитаться с жизнью (о чем, кстати, поэт ещё в 1837 году писал: „Жизнь разочлась со мной”¹³), даже задуматься о такой перспективе. Забегая вперед, отметим, что в одном из последних стихотворений Вяземский напишет о „жизни в старости”: как бы печальна ни была — „жаль оставить”¹⁴.

Сочельником (кануном Рождества!) 1871 г. датировано стихотворение с симптоматичным названием *Эпитафия себе заживо*. В нем до предела доведена заявленная в цитированном выше стихотворении *Я пережил* (1837) мысль: „Во мне найдешь, быть может, след вчерашний, // Но ничего уж завтрашнего нет”¹⁵. В „самоотпевании” 1871 г. отрицание расширяется: „Того, которого вы знали, // Того уж Вяземского нет”¹⁶. В шести строках этого стихотворения можно услышать интонации и самоиронии „живого трупа”, и скорбный плач старика, остро переживающего потерю своей идентичности.

Включенная в письмо невестке „самоэпитафия” сопровождалась комментарием: „Стихи не хороши, но правдивы”¹⁷. Психологическая достоверность процитированных выше строк, очевидно, предопределила их повтор автором в послании *Из Царского Села в Ливадию (Осенью 1871 года)*, правда, с полушутливым прибавлением некоторых физиологических подробностей. Дополнялся и образ „поминок по себе самом” — упоминанием о существовании „темного преданья о светлой некогда судьбе”¹⁸. Не предназначавшиеся для обнародования при жизни поэта, оба стихотворения демонстрировали желание старика Вяземского поделиться хотя бы с близкими людьми¹⁹ своими горестными самонаблюдениями, облекая их в пусть не всегда совершенную, но в известной мере смягченную самоиронией поэтическую форму.

¹³ П. Вяземский, *Стихотворения...*, с. 261.

¹⁴ *Ibidem*, с. 416.

¹⁵ *Ibidem*.

¹⁶ *Ibidem*, с. 402.

¹⁷ П. Вяземский, *Стихотворения...*, с. 525 (как указала Ксения Кумпан, в подлиннике оценка стихов дана по-французски).

¹⁸ *Ibidem*, с. 402–403. Под „преданьем о светлой некогда судьбе”, вероятно, подразумевалась, в частности, известная характеристика Пушкиным молодого Вяземского: „Судьба свои дары явить желала в нем, // В счастливом баловне соединив ошибкой // Богатство, знатный род с возвышенным умом // И простодушие с язвительной улыбкой” (А. Пушкин, *Полное собрание сочинений в 16 т.*, т. 2, кн. 1, Москва-Ленинград 1947, с. 149).

¹⁹ Кстати, и после своей „настоящей и окончательной смерти” Вяземский предлагал снохе показать его „самоэпитафию” лишь „двум любопытным: Титову и Бартеневу” (П. Вяземский, *Стихотворения...*, с. 525). Отметим в этой связи умозаключение, правда, довольно туманное, Сергея Савинкова и Андрея Фаустова в статье „*Эпитафия себе заживо*” П.А. Вяземского и смерть эгегической идеи, что „человек Вяземского [...] знает упование на посмертный, эпитафический диалог” („Вестник Московского университета”, сер. 9, „Филология” 1997, № 4, с. 136).

Стоит обратить внимание и на топографическую информативность заголовка *Из Царского Села в Ливадию*. Осознанно или нет, автор указывал в нем на свой тогдашний социальный статус в России. Живший (и, конечно, лечившийся) в 1860–1870-е гг. в основном за границей, обер-шенк (один из высших придворных чинов в России), сенатор, член Государственного совета, он, приезжая на Родину, проводил время почти исключительно в Петербурге, Царском Селе и Ливадии, часто бывая при дворе. Такой „финал” жизни в социально-иерархическом отношении мог казаться весьма успешным, а кому-то и счастливым, однако шкала ценностей Вяземского намного сложнее.

В 1870-х гг. в мучительности своей старости Вяземский склонен винить уже не только себя, свою жизненную позицию, как это прозвучало в ряде стихотворений середины 1850-х гг. Тогда поэт писал о двух вариантах старости — тягостно-унылой, мрачной и „бодрой”²⁰, светлой, — в зависимости от предшествующего опыта человека, в том числе в вопросах веры. В стихотворении *Сознание* (1854) он чрезвычайно строг в самооценках: „боец без мужества и труженик без веры”, который „жизни таинства и смысла не постиг”, „не сумел нести святых ее вериг”, оставив „праздным” свой талант и пожелав невозможного — „промысл обмануть”, „призванью вопреки”. Заканчивалась эта лирическая исповедь горькой констатацией: „Я только сознаю, что разучился жить, // Но умирать не обучаюсь”²¹. Русский поэт как будто отвечал знаменитому французскому философу Монтеню, одна из глав книги которого *Опыты* так и называлась: *О том, что философствовать — это значит учиться умирать*.

В год 80-летия виновником своего трагически „продленного” земного бытия Вяземский объявил уже самого „злопамятливового бога”. Этот выделенный курсивом эпитет и самоопределение „забытый каторжник на каторге земной” появились в стихотворении *Все сверстники мои давно уж на покое...*²². Следом жалоба на Бога — „палача” прозвучала в стихотворении *Свой катехизис сплошь прилежно изуча...* (1872): „Он жизнь мою продлил, чтоб жизнь была мне в тягость, // Чтоб проклял я тот день, в который я рожден”²³. Понятно, что подобные высказывания поэта стали достоянием гласности только в послереволюционных изданиях его сочинений.

Вместе с тем в лирике 1860–1870-х гг., конечно, продолжала развиваться рефлексия на тему собственных слабостей и немощей, которые убивали в старике лучшие человеческие качества („нет к ближнему любви, нет кротости в помине”) и, напротив, умножали „все порочное” — „отчаянье

²⁰ О „бодрой” старости поэт писал и в 1875 г. См., напр.: П. Вяземский, *Избранные стихотворения...*, с. 365.

²¹ П. Вяземский, *Стихотворения...*, с. 328.

²² *Ibidem*, с. 403.

²³ *Ibidem*, с. 403, 404.

и ненависть”²⁴. Причем при оценке — „добродетель или порок” — поэт придерживался критериев, как правило, общих для религиозной и светской аксиологии. Устойчивость самокритической направленности в лирике Вяземского последних десятилетий жизни подтверждается стихотворением *Совсем я выбился из мочи!* (1863?) с упреками себе в „злых мыслях” и „чувств одичалости”²⁵. Повторяются „самобичевания” и в стихотворении *Чувств одичалых и суровых...*, которое автор собирался включить в „собрание стихотворений *Хандра с проблесками*” (1876?)²⁶.

На этом „собрании” (или „цикле”, как его иногда называют), состоящем из десяти стихотворений, имеет смысл остановиться подробнее. Хотя проект Вяземского напечатать его отдельной книгой за границей в 1877 г. не состоялся, думается, он заслуживает особого внимания именно в силу репрезентативности замысла, сводящего в общее текстовое пространство доминантные темы, мотивы, идеи, образы всей „поэзии старости” Вяземского.

В „собрании” вошли стихотворения, принадлежащие двум идейно-эмоциональным векторам геронтологической рефлексии поэта, — это подчеркивалось уже в названии *Хандра с проблесками*. Представлены эти линии были далеко не в равных „долях”, как и вообще в лирике позднего Вяземского. В семи из десяти стихотворений (*Пью по ночам хлорал запоем...*, *И жизнь, и жизни все явленья...*, *Чувств одичалых и суровых...*, *Загадка*, *Я прозябаемого царства...*, *Цветок*, „*Такой-то умер*”, — *что ж? Он жил да был и умер...*) господствующей стала проблема беспросветной старческой хандры. Автору удалось показать многообразие ее проявлений, оттенков трагического самосознания и „самоосознания” старика „перед лицом смерти”.

Иную линию в „собрании” составили всего три стихотворения — *Жизнь коротка: но в ней не все же скоротечно...*, *Вхожу с надеждою и трепетом в Твой храм...* и *Уж падают желтые листья...* В них Вяземский размышлял о возможности „проблесков” света, надежды, счастья и на закате жизни, т.е. проявлениях, пусть кратких („проблески!”), „настоящей” старости. Внимание фокусировалось на светлой грусти осени; на способности пожилого человека наслаждаться воспоминанием, в котором поэт видел „старости цветок”; на готовности „старца с печальной улыбкой” спокойно мудро „приветствовать желтые листья и близкий последний свой день”²⁷. В стихотворении *Вхожу с надеждою и трепетом в Твой храм...* рисовался образ „бойца”, утомленного „битвой дня”, но не теряющего надежды на „вечерней жертвы приношенья”²⁸.

Появление этой более позитивной идейно-эмоциональной линии в „итоговом” сборнике, представляющем геронтологическую рефлексия Вяземско-

²⁴ *Ibidem*, с. 403.

²⁵ *Ibidem*, с. 375.

²⁶ П. Вяземский, *Избранные стихотворения...*, с. 369–376.

²⁷ *Ibidem*, с. 372, 376.

²⁸ *Ibidem*, с. 375.

го, совершенно закономерно. Ведь она, так или иначе, постоянно присутствовала в его лирике последних четырех десятилетий жизни. И в рассмотренном выше стихотворении *Старость*, и в более ранней (до 1860-х гг.) „поэзии старости” Вяземского, и в некоторых произведениях 1874–1877 гг., прежде всего — в стихотворении *Жизнь наша в старости — изношенный халат...*

В целом задумка Вяземского составить *Хандру с проблесками*, видимо, как своеобразный компендиум тем и настроений своей „поэзии старости” и выпустить его отдельным изданием очень интересна для изучения особенностей геронтологической рефлексии поэта на излете жизни. Ведь автор „собрания” должен был бы решать многие композиционные вопросы, выстраивая „диалог” между публикуемыми стихотворениями. Впрочем, сегодня трудно судить об этой вероятной „последней книге” Вяземского — необходимы дополнительные исследования, архивные разыскания.

Наиболее же совершенным выражением геронтологической рефлексии Вяземского, с нашей точки зрения, стало стихотворение *Жизнь наша в старости — изношенный халат...* В нем создан очень емкий в пластическом и психологическом отношении символ „жизни в старости” — „изношенный халат”, в „дохмотьях”. Причем некоторые детали („Чернилами он весь расписан, окроплен, // Но эти пятна нам узоров всех дороже”) конкретизируют биографию его обладателя как человека, связанного с письмом, старика-писателя, который не может, да и не хочет забыть о своем творчестве. Так обогащается предметно-образный мир „поэзии старости” Вяземского.

В идейно-эмоциональном отношении стихотворение строится по нарастающей — от минорной щемящей ноты при констатации, что „жизнь в старости” нельзя „починить и заново исправить”, а оставшееся от былого „совестно носить”, да „жаль оставить”, — к ноте гораздо более оптимистической при утверждении: „Ещё люблю подчас жизнь старую свою // С ее ущербам и грустным поворотом”. В заключительных строках поэт уподобляет свое отношение к старому халату с „любовью и почетом”, с которым боец холит „плащ, простреленный в бою”²⁹, поскольку тот напоминает о былых сражениях и требующих уважения заслугах. Так образ-символ „изношенный халат” вызывает не только ряд умозрительных ассоциаций (как это было в стихотворении *Прощание с халатом*, 1817)³⁰, но и сложный в своей противоречивости комплекс переживаний — стыда и привязанности, гордости и горечи. Именно их, по Вяземскому, порождает осознание человеком старости.

В целом в стихотворении *Жизнь наша в старости — изношенный халат...* Вяземскому удалось точно и образно передать амбивалентность в осмыслении „последнего возраста”. Поэтому кажется правомерным считать это произведение во всех отношениях высшей точкой его „поэзии старо-

²⁹ П. Вяземский, *Стихотворения...*, с. 416.

³⁰ См. об этом подробнее в нашей статье: *Образ халата и образ жизни в лирике П.А. Вяземского*, [в:] *PRO=3A 3, Предмет*, ред. Г. Ермоленко, Смоленск 2005, с. 124–126.

сти”, которая значима и для развития геронтологической рефлексии в целом. Хотя, как уже отмечалось, самому Вяземскому, очевидно, было дано познать лишь „проблески” той „настоящей” светлой старости, о которой так вдохновенно рассуждали и рассуждают философы.

Библиография

- Вяземский П., *Избранные стихотворения*, Москва-Ленинград 1935.
- Вяземский П., *Полное собрание сочинений в 12-ти томах*, т. 8, Санкт-Петербург 1883.
- Вяземский П., *Стихотворения*, Ленинград 1986.
- Гачева А., *Жизнь — смерть — бессмертие в мире русского романтизма*, [в:] *Жизнь и смерть в литературе романтизма: оппозиция или единство?*, ред. Н. Вишневская, Е. Сапрыкина, Москва 2010.
- Лишаев С., *Старое и новое*, <http://magazines.russ.ru/neva/2009/7/li29.html>.
- Палама Гр., *Беседа на спасительное Рождество Пренепорочных Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии*, <http://orthodox.ru/lisn/palama/047.php>.
- Пигров К., *Экзистенциальный смысл настоящей старости*, [в:] *Философия старости: геронтология*, вып. 24, Санкт-Петербург 2002.
- Письма М.П. Погодина, С.П. Шевырева и М.А. Максимовича к кн. П. А. Вяземскому 1825–1874 годов*, Санкт-Петербург 1901.
- Прохорова И., *Образ халата и образ жизни в лирике П.А. Вяземского*, [в:] *PRO=3A 3, Предмет*, ред. Г. Ермоленко, Смоленск 2005.
- Пушкин А., *Полное собрание сочинений в 16 т.*, т. 2, кн. 1, Москва-Ленинград 1947.
- Рыбаков Н., Рыбакова Н., *Проблема старости в историко-философском контексте*, http://www.Polygnosis.ru/default.asp?num2=431#_FTNREF1.
- Савинков С., Фаустов А., *«Эпитафия себе заживо» П.А. Вяземского и смерть эгегической идеи*, „Вестник Московского университета”, сер. 9, „Филология” 1997, № 4.

„At the level of the years” (to the problem of old Vyazemsky’s gerontology reflection)

Summary

I.E. Prokhorova’s article analyzes “poetry of the old age”, created by Petr Vyazemsky in the last two decades of his life (1860–1870’s). It is distinguished by intensive philosophical and psychological reflection on the problems of “extended” life, death and immortality, tragical awareness of the transformation of oldster’s identity as well as unique degree of poetic expression candor. Particular attention is paid to Vyazemsky’s lyrical cycle “Gloom with glimpses” (1876?) and poems “Old age” (1862) and “Our life at senile age — a worn-out robe ...” (1874–1877). In them poet succeeded to manifest his perception of “last age” ambivalence as fully, clearly and brightly as possible and to raise the questions about the values of “perfect” cheerful oldness and the conditions to achieve it at the same time.

Keywords: Petr Vyazemsky, “poetry of old age”, gerontology reflection, problems of “extended” life, death and immortality

„Stosownie do wieku”: ze studiów nad refleksją gerontologiczną późnego Wiaziemskiego

Streszczenie

W artykule poddano analizie „poezję starości” Piotra Wiaziemskiego, która powstała w dwóch ostatnich dziesięcioleciach jego życia (lata 1860–1870). Wyróżnia się ona filozoficzno-psychologiczną refleksją nad problemami „przedłużonego” życia, śmierci i nieśmiertelności, wyraża tragiczną świadomość transformacji osobowości człowieka w podeszłym wieku, cechuje się szczerością wypowiedzi. Szczególną uwagę poświęcono cyklowi lirycznemu Wiaziemskiego *Chandra z przebłyskami* (*Хандра с проблесками*, 1876?), wierszom *Starość* (*Старость*, 1862) i *Życie nasze w starości — niczym znoszony szlafrok...* (*Жизнь наша в старости — изношенный халат...*, 1874–1877). Poeta najpełniej wyraził w nich pogląd na ambiwalentność „ostatniego wieku”, ocenił wartość godnej starości i zastanowił się, jak ją osiągnąć.

Słowa kluczowe: Piotr Wiaziemski, „poezja starości”, refleksja gerontologiczna, problemy „przedłużonego” życia, śmierci i nieśmiertelności